

Урановую базу России создали иркутяне

Именно иркутские геологи строили ядерный щит СССР. А сегодня люди, которые положили начало атомной энергетике, работают вахтерами.

...Его порекомендовали как единственного человека, способного на сегодняшний день толково и полно ответить на все вопросы по урану. Лауреат Ленинской премии, бывший главный инженер "радиоактивной" Сосновгеологии, автор одиннадцатитомника "История создания сырьевой базы урана СССР" Владимир Зенченко – до недавнего времени секретный "урановый человек". В свое время он консультировал высокопоставленных чиновников, дружил с министром Средмаша – министерства, которое курировало атомную промышленность. Неутомимый пенсионер, сегодня он пишет книги, ведет активную общественную жизнь (закалка руководителя!). По просьбе госдумовцев он редактировал и нашумевшие законы по ОЯТ.

– Нам нет необходимости общаться, если вы не поймете, что урановая тема – это разговор о нравственности отдельных людей и государств в целом. Мы имеем перед собой реальную возможность конца света. Жадность, алчность, невежество, война нас погубят. У нас уже есть бомба мощностью в сто пятьдесят миллионов тонн тротила. Сравните: на Хиросиму улетело 10 тысяч тонн. Преимущественно в США и России накоплен огромный запас мощности – в 700 тысяч хиросимских бомб, – с этого он начал разговор.

Урановые надежды

– *Вы называете такие конкретные цифры. Государственной тайны не существует?*

– Сегодня нет. Уран уже не в списке секретных, но зато теперь там есть коммерческие никель, кобальт. Политика страны – продавать. В городе Краснокаменске находится единственный на всю Россию урановый рудник промышленного значения и комбинат – этот уран продается в США.

– *Что нам продавать, если промышленное месторождение одно? Неужели на территории страны ничего больше нет?*

– В России нет подготовленных к разработке месторождений. Над теми, которые известны, трудились еще молодые ребята, пришедшие с войны. В конце 40-х мы с ними учились. Сейчас в живых остались единицы, но это настоящие труженики, за счет которых живет страна. И не только по урану, но и по другим полезным ископаемым, по тому же золоту.

Геология разрушена до основания, поисков не ведется. А ведь чтобы открыть эти месторождения, нам понадобились десятки лет. И открывали их не мы, единицы. Полстраны, не зная того, работало на уран. Вывозили графит, трудились на других заводах – выполняли заказы Средмаша.

На ближайшее время, правда, есть одно утешение: на гигантских атомных заводах, которые получали оружейный уран, уран-235, плутоний, остались отвалы. Обедненный уран можно переработать – если будут новые технологии. Но это на короткое время.

– *Есть ли перспективные месторождения, в частности, в Иркутской области?*

– Еще старыми специалистами зафиксированы десятки тысяч рудных аномалий. В сейфах лежит документация. Есть рудопроявления, где уран в видимой минерализации. Есть даже мелкие месторождения, о запасах которых имеются только прикидки. Однако при современной экономической обстановке они нерентабельны – или мелкие, или труднодоступны.

В резерве Витимское месторождение, второе по величине в России. Но надо открывать новые. Я считаю, что именно в Иркутской области могут быть уникальные месторождения. Думаю, лучше, чем в Забайкалье. У меня была возможность изучить Саяны, надежды я возлагаю на Восточный Саян.

– *Вы ставили власти в известность о ваших надеждах?*

– Я ставил в известность самые верха. Старые руководители нашего главка знают об этом. Но сегодня того мощного уранового главка нет. Государство интереса к урану не проявляет, да и денег нет. А частники не потянут. Нужны большие затраты и серьезные специалисты.

Секретные геологи искали все

– Иркутск имеет прямое отношение ко всей урановой базе России, – продолжает Зенкович. – Самое крупное месторождение открыто иркутскими геологами из Сосновской экспедиции (ныне Сосновгеологии). Я лично забивал колышек с названием "Краснокаменск" там, где впоследствии вырос город. В первом его доме мы ждали атомщиков-промышленников.

Юбилейное знамя, которое хранится в этом здании, орден Ленина – награды сосновцев за тот уран, который есть у страны. Месторождения на севере Бурятии, Читинской области, которые могут стать промышленными, тоже открыты сосновцами. Шесть лауреатов Ленинской премии по урану – все иркутяне. Трое из них еще живы: Лидия Ищукова, Юрий Рогов и ваш покорный слуга. После этого было удостоено высокой награды еще 12 разведчиков – тоже сосновских.

– Работы на Красном Камне проходили рекордными темпами. Благодаря чему – директивам сверху, или хорошей зарплате, или...

– "Урановые люди" были целеустремленные. Не от врожденной нравственности, а благодаря общей гигантской цели – создать атомные электростанции, которые давали бы свет и тепло людям. Но и директивы, вызывающие огромное напряжение, и рабочий азарт, конечно, были. Были и несправедливость, и хамство, из-за которых руководители в урановой отрасли стрелялись и вешались. В том числе и в Иркутске.

А зарплата у нас была всего на двадцать процентов выше, чем у других геологов. Но люди давали такие темпы! Когда-то лучшим достижением Министерства геологии были 320 метров, пройденные в скале за месяц одной бригадой в 15–30 человек (сколько в забое может разместиться). Мы, уранщики, работая круглые сутки без выходных, прошли 1224 метра в месяц. Не верят даже специалисты! Сосновская ордена Ленина экспедиция сделала под землей проходки по протяженности большие, чем весь Московский метрополитен.

– Вы работали на Колыме. Там вы тоже искали уран?

– Когда в стране с чем-то было туго, нас, секретных, сразу подключали. Нефть на Вановаре, удоканская медь, олово в Приморье, открытие всемирно известного чароита – уранщики приложили силы везде.

Нужно золото, чтобы рассчитаться с долгами? Отправляемся на Колыму делать скоростные проходки под землей. Надо стране алмазов? Меня как главного инженера вызывают в Москву вертолетом. Получив директивы, едем на северо-запад.

...Полярный круг. Главный инженер Лапин втыкает вершиной в снег сосенку: "Здесь должна быть шахта, срок – полгода, валовая проба – 4 тысячи тонн". И улетаёт. И с той минуты все идет по секундам, по графику. Завозы – со всего Союза.

Указанное место обурили большим диаметром, привезли огромные, как вагоны, компрессоры, заморозили "стакан", в нем прошли ствол шахты. На огромном камне рядом с шахтой нарисовали стрелки: "До Архангельска 120 км", "До Северного полюса 700 км", "До Краснокаменска 7 тысяч км". При приемке не было сделано ни одного замечания. Это был северо-запад, будущее российских алмазов.

Ворованные учебники

– Насколько жестким (или даже жестоким) был режим секретности?

– В секрете был сам уран. В 40–50-е никто не произносил этого слова. Даже в кабинетах. Про уран говорили "первый". "Вторым" называли торий. Были еще термины "асбест", "корунд", "теллур" и др. Их и называли "легенды КГБ".

И чем занимается Сосновская экспедиция, тогда никто не знал. В первые годы и вывески-то не было. Кагэбэшники ходили за нами по пятам. Кураторы всегда были рядом. Их знали в лицо. Среди сотрудников находились тайные агенты. Мы их презирали. А сейчас я смотрю, что вокруг происходит, и по-другому думаю: служба у них была такая.

– Вам приходилось скрывать, где вы работаете?

– Приведу пример. За алмазы на северо-западе мне подарили фляжку с надписью: "Архангельск, Светлый, шахта Бокситовая-2". Нигде ни слова, что за алмазы.

Ленинскую премию нам вручали тоже в режиме секретности. Награждали вместе с космическими КБ и с разработчиками атомного оружия в закрытом зале. Президиум возглавлял академик Келдыш, людей в президиуме было больше, чем награждаемых.

На дипломе Ленинской премии написано: за открытие крупного месторождения, но не сказано какого. Ни в одном документе у уранщиков не сказано, что они работали на уран. Внуки и правнуки не узнают, над чем работали их деды.

– Но как же тогда учились уранщики? И так начинали с нуля, а тут еще и говорить про это нельзя?

– В учебниках не было никакого урана (хотя он был открыт в 1928 году. – Авт.). Учились по ходу производственного процесса. Учебники для нас КГБ вытаскивало из-за границы. Мы воровали у Запада, Запад – у нас. И для советской бомбы первые данные тоже украл.

– А ученые знали, что на ворованных идеях работают?

– Нет. Курчатов был единственным по 1949 год, которому КГБ доверяло эти материалы. Потом – немногим другим атомщикам... А мы знали только, что разведка работает.

– Какие сведения по урану составляли основную гостайну?

– Однажды в Краснокаменске я беседовал с руководителем Средмаша, то есть всей атомной энергетики страны, – Ефимом Славским. Он прилетал награждать. Я сказал: "Вы сегодня выступили на активе с такими секретными данными, что у наших "первоотдельцев" волосы на голове дыбом вставали". На что он мне ответил: "Володя, самый главный наш секрет заключался в том, чтобы никто не знал, что у нас нет урана". Ведь на первую бомбу собирали по крохам. С пяти штолен Чарского месторождения добыли чуть больше тонны. 45 тонн на первый реактор едва наскребли. Потом нужно было 450 тонн чистого металлического урана. И – по нарастающей.

– Многие специалисты, наверное, при таком-то режиме пострадали от рук спецслужб?

– В урановой отрасли никто не был посажен или расстрелян! Даже если кто-то ошибочно указывал месторождения. Уран был так нужен, что принимались всякие донесения, даже такие: "На Иркуте есть уран, дайте мне коня и пять тысяч рублей, я его найду".

– Вы знали, что уран идет на бомбы?

– Официально – нет. Но неофициально знали. Я общался с самыми верхами. С Никитчуком, ныне депутатом Госдумы, а когда-то куратором по гарантийным срокам действия определенных видов оружия. Более десяти лет – с министром Ефимом Славским, личным другом Буденного, рыцарем урановой промышленности. Выпивали вечером, он читал мне свои стихи, я ему – свои. В 87 лет он все еще был министром! Славский говорил: "Володя, мы создали атомный щит и настало время строить жизнь".

– Люди теперь не настроены к уранщикам враждебно?

– Мне передавали, что Славский сказал как-то одну фразу: "Почему люди нас не поняли?" Уранщиков зачастую проклинали. Но я твердо уверен, что уран – не убийца. Люди сами подводят себя к Концу в силу невежества и низкой нравственности.

Мнение: ОЯТ должен быть наш

– Не является ли одной из причин затишья на урановом фронте общественное мнение относительно 92-го элемента?

– Да, легенды сочиняют. Пишут всякое. Информационная пыль страшнее любой радиоактивной. Это прием холодной войны.

– Ну а Чернобыль? А информация о "грязи" от подземных взрывов в Иркутской области? А семипалатинские веера?..

– Чернобыль – третья мировая катастрофа с реактором. Станцией руководили разгильдяи, неспециалисты. Ведь АС вывели из атомного проекта и поручили Министерству общей энергетики. Когда все случилось, люди, загубившие станцию, отсиживались в бункере, только в ЦК телеграммы давали: может, все обойдется, может, подправим.

Трагедию еще и раздули. Вокруг начались страшные спекуляции. Все хотели получать льготы.

– Иркутские уранчики были как-то причастны к ликвидации аварии?

– Я сам с первого дня был причастен: из Сосновгеологии мы отправляли в Чернобыль первые радиометры. Мне позвонили ночью: готовьте. Я спросил куда. Накричали: "Чего разводишь бодягу!" Только когда стали грузить в самолет, сказали, что в Киев, а оттуда на машинах – в Чернобыль.

Что касается взрывов в Иркутской области, то это был научный проект ради изучения размеров земли, земной коры. Я был и в Чите, около Хилка, где готовился такой же взрыв. После всего ребята бегали с радиометрами, смотрели. Нормальный был фон активности. И сейчас нормальный. Да, были случаи – в Якутии, например, когда одна из скважин зафонила. Но это было в тундре, грязь быстро убрали.

А вот семипалатинские ветра действительно доходят до Байкала, и они, действительно, не сливочное масло. Но любое оружие создано, чтобы убивать.

– Много писали о повышенной радиации на берегах озера...

– Я лично проверял остров Ольхон. Есть, конечно, аномальные вещи – "языки", цезиевые аномалии. Но когда я вижу заголовок "Смертельные берега Байкала", я возмущаюсь. С природным ураном можно быть в обнимку. Я работал не при двух-трех фонах, а при тысячах фонов. При превышении международной радоновой нормы в десять тысяч раз. Но я же перед вами сижу! Так какое вам нужно еще доказательство?

Я могу показать людей, которые работали в шахтах, они глотали и ели уран-238. Председатель медицинской комиссии Шестого главного управления из Москвы опрашивал как-то наших проходчиков о состоянии их здоровья. И спросил одного из них, 50-летнего, прошедшего около 30 лет на уране, не жалуется ли жена на его потенцию. Он ответил: "Дайте мне вашу жену на ночь. Она вам потом расскажет". Сейчас этот человек почтенного возраста живет среди рудных отвалов, совсем недавно приезжал в Иркутск. Он здоров.

Радиоактивность, конечно, влияет на человеческий организм, но не так, как об этом говорят, – страшны изотопы урана. И в атомной промышленности люди действительно получают смертельные дозы.

Кстати, моим соседом до своей кончины был "урановый патриарх" Петр Луненок. Во время войны он был назначен начальником спецгруппы по урану. Он умер, когда ему было за девяносто.

– Вы редактировали закон по ОЯТ...

– Левченко (депутат Госдумы, первый секретарь Иркутского обкома КПРФ. – Ред.) привез закон мне на редакцию. То, что происходит вокруг трех законов, провокация. Облученное или частично отработанное ЯТ – ценнейшее топливо, зашлакованное всего на 3–5%. Эту часть нужно вынуть, где-то отстоять 20–30 лет по спецтехнологии, которой владеют только США, Россия и Франция. Потом добавляется недостающий природный уран, и топливо может идти на станцию. Это нормальный процесс. Сотни атомных станций уже не остановить. К тому же объемы небольшие – если аккуратно провезти, никто и не заметит. Если, конечно, не будет разгильдяйства.

Более того, мы и раньше принимали ОЯТ. Только это не афишировалось. Станции обменивались между собой. Гарантийное обслуживание было предусмотрено в договоре, когда Советский Союз строил станции для других стран.

– В законе вы сделали существенную поправку.

– Изначально там говорилось, что страна имеет право забрать ОЯТ обратно. Я поправил: ОЯТ переходит в собственность России. Таким образом мы сможем продавать им их же топливо. Под этим подписалось пять академиков.

– Вы считаете, что опасность только в разгильдяйстве?

– И еще в терроризме. Я в своей практике сталкивался и с тем, и с другим. Приведу примеры.

В иркутской пятиэтажке сосновцы нашли как-то балкон, выкрашенный краской, содержащей изотоп радия. Люди из этой квартиры часто умирали.

Один из наших специалистов после этого принес радиометр домой. И первое, что зафонило у него в квартире – тапочки, купленные на рынке. В тапочках оказалась пленочка, 4 на 4 мм, в лаборатории определили – смертельная доза, если пару дней поносить. Дело отдали в КГБ.

В Краснокаменске в кресло нужному человеку подложили ампулу, чтоб сидел, сидел и помер.

А однажды позвонили из КГБ и сообщили, что в поселке Мама зашкаливают приборы. Вроде работники Мамслюды видели какой-то летающий объект. Через пару часов мы выяснили, что никаких объектов там не пролетало. А приборы зашкаливают из-за того, что буровики по неосторожности раздавили радиоактивную ампулу, из тех, что используют для каротажа. Переехали колесом и не заметили.

Уранщику положено место вахтера

Старых уранщиков, которых остались единицы, ждет вовсе не то светлое будущее, на создание которого они положили жизнь. Какое уж светлое с такой пенсией – северные и полярные из стажа убрали, зарплату урезали коэффициентом 1.2. По новым законам оказалось – уранщик просто не выработал стаж, ведь на заслуженный отдых по тяжести труда уходили в 45.

– Пенсии ниже, чем у дворников. В Иркутске у нас единственное преимущество – вахтерами хорошо берут. Даже объявления везде висят – преимущество отдается работникам Сосновской экспедиции. Весело, – бодро констатирует Зенченко.

В отличие от некоторых коллег, которых он называет "разочарованными", Владимир Петрович продолжает трудиться по призванию, пишет книги по урану. Теперь его задача – оправдать 92-й элемент таблицы Менделеева в глазах соотечественников. Обложка его новой книги "Мифы и правда об уране", которая выйдет совсем скоро, испещрена надписями типа "Уран – не убийца". В доказательство этому он приводит кипу картонных папок, лежащих на стиральной машинке в его квартире. Это воспоминания всех уранщиков Советского Союза – от боссов атомного проекта до тех, кто рискуя жизнью разбуривал черныбыльский реактор...

На урановых рудниках работали смертники?

Нашему корреспонденту удалось отыскать одного из бывших мастеров секретного рудника

...Страна испытывала атомную бомбу, стране был нужен уран. Поиски велись одновременно по всему молодому Союзу. Урана было мало. Его собирали в Германии, на Украине, в Средней Азии. Килограммами стратегическое сырье везли с Енисея, из Забайкалья. Набрать надо было не меньше 500 тонн...

Уран нашли в Читинской области, на реке Чаре. Руды немного, но высшего качества, смолковая, почти готовый металлический уран. В 1948 году в ущелье Мраморном построили зону, чтобы начать добычу. Ущелье заканчивалось высоким каром, где и пробивали штольни. Вывозили руду, скорее всего, самолетами.

О Чарском урановом руднике сложена печальная легенда. Она гласит, что на рудник сгоняли эков-смертников. По железной дороге их везли до Могочи, оттуда шестьсот километров тащили по этапу до ущелья Мраморного, до зоны, где они вкалывали на атомное благополучие Родины. Однажды из-за жестокого обращения эки подняли бунт. И были наказаны – бунтовщиков живьем замуровали в одной из штолен. По сей день эту штольню ищут туристы со всей России. Москвичи даже снаряжали маленькую экспедицию. Теперь это не так далеко благодаря БАМу. Да и место найти не трудно: сохранились столбы, растяжки из колючей проволоки, остов вышки, вбитые в скалы крючья от канатной дороги. С самолета хорошо видны контуры зоны.

Где же корни этой легенды?

Знаток уранового дела в СССР Владимир Зенченко утверждает, что легенда не имеет под собой реальной основы.

– Это вранье. Во-первых, смертники не работали на уране. Работал там особый контингент, бывшие военнопленные, например, которых держали в лагерях на время доследования. Были также обычные уголовники. К экам относились хорошо – как возможно было относиться к ценной рабсиле. За два года, в течение которых добывалась руда на Чаре, умер всего один заключенный – погиб от угарного газа, скопившегося в штольне после взрывов. После ЧП начальника лагеря полковника Мальцева отстранили.

Берия отправил на Чару генерала – для наведения порядка и повышения производительности труда. Мальцева восстановили только после "наведения порядка".

...Нам удалось найти человека, который работал на первом объекте Чарского рудника мастером. Иркутянин Иван Емельянович Куделя, бывший сосновец, также утверждает, что единственное ЧП на руднике – смерть от угарного газа.

Иван Куделя попал на Чару сразу после окончания института. Юношу отправили туда по распределению. Назначения проходили через систему МВД, и Куделя вызвали сначала в Москву, где он дал подписку о неразглашении. В 1949 году вместе с такими же выпускниками Куделя прибыл на Чару работать мастером.

– *Вы знали, куда вас направляю т ?*

– Мы знали, что Министерство среднего машиностроения занимается разработкой необычных месторождений.

– *Что представлял из себя лагерь?*

– Я работал на первом объекте – всего их было пять. Там стояло несколько финских домиков, где жили начальники, старший инженерно-технический состав. Остальные вольные, в том числе и мастера, ютились в больших палатках, обогреваясь буржуйками. Выше нашего лагеря была зона. А ниже – поселок Мраморный с рудоуправлением, домикам для снабженцев и водителей. Там пребывали и расконвоированные заключенные, и те, кому подошел срок к освобождению. Последним был запрещен выезд, пока не будут закончены все работы. Все было секретно.

– *Действительно ли на рудниках вкалывали смертники?*

– Нет. На первом объекте отбывали люди с большими сроками, до 25 лет. Много было заводских и тех, кто попал из армии. В основном политические, уголовников было мало. А политические – как правило, по наветам или из-за неосторожного слова.

– *Работа была тяжелая, долго ли они там выдерживали?*

– Условия действительно были тяжелые. Работали без пылеуловителей, добыча шла почти вручную, только бурили перфораторами. Зэкам на уране засчитывался год к трем – если они выполняли 150 процентов ежедневной нормы.

– *И выполняли?*

– Выполняли. Мастера приписывали из человеческих побуждений. Когда я приехал, была уже такая традиция. Кстати, заключенные часто становились на ударные сталинские вахты. Объявляли вахту – и не вылезали из штолен. Все хотели побыстрее освободиться. И у мастеров была жесткая дисциплина. Если не выполняли норму, из-под земли могли сутки не выходить.

– *А что вы скажете о легенде?*

– Ничего такого я никогда не слышал. Отношение к ЗэкАм было достаточно мягким. Приведу пример. Встречали мы Новый 50-й год. Накрыли большой стол в двадцатиместной палатке. И все вольнонаемные выпивали и закусывали. Вдруг в палатку ворвались двое и давай хватать со стола выпивку и закуску. Едва успели выпить, закусить, как появились охранники. Оказалось, из лагеря сбежала парочка отчаянных голов, чтобы как следует отметить праздник. Потом они как ни в чем не бывало вышли на работу, и все их наказание, очевидно, свелось к карцеру.

Мы в зону никогда не ходили, но ежедневно встречались и разговаривали с зэками под землей. Они роптали, были недовольны тяжелой работой. Но ничего такого не рассказывали.

...Когда пришел приказ об окончании работ на первом объекте, всех перевели на другие. Куделя отправили на пятый, где работали ссыльные поселенцы (бендеровцы, например). Пятый закрыли в 52-м году, скорее всего, последним.

История чарских приисков закончилась памятным эпизодом. Его рассказал Владимиру Зенченко непосредственный участник, куратор урановой отрасли Кирилл Лященко.

Его вызвал к себе Берия: "Напиши, дорогой, заключение о чарском месторождении. Даю два часа" – и запер в

кабинете. Лященко написал: урана больше нет. Тогда, по приказу Берии, Лященко поместили под домашний арест на две недели — чтобы хорошо подумал, а потом еще раз написал. Через положенный срок является он к Берии. В кабинете — генералы при параде. Лященко выдает то же заключение: нет урана. Тогда Берия достает коробочку из сейфа, и вешает на грудь Лященко медаль: "Вы свободны". Все шутили потом, что больше всего Лященко обрадовался не медали, а последним словам Берии.

Тех заключенных, которые работали на Чарском урановом руднике, по слухам, перекинули потом на строительство Ангарского комбината. И возможно, некоторые из них еще живы.

Автор: Артур Скальский © Номер один ОБЩЕСТВО, ИРКУТСК 👁 5265 30.09.2002, 00:00 ↗ 307
URL: <https://babr24.com/?ADE=3941> Bytes: 23002 / 22708 Версия для печати Скачать PDF

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:
irkbabr24@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](#)
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

Прислать свою новость

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)